

Весьма содержательные главы, посвященные проблеме открытий глобального уровня на современном этапе. Автор подчеркивает значимость открытий, совершенных нашими географами на территории Советского Союза и в Антарктиде, рассматривает некоторые методологические вопросы, связанные с ходом этих открытий. Открытий, которые совершаются не только на Земле, но и на Луне, Венере и Марсе.

Второй раздел книги посвящен открытиям физико-географических закономерностей. Автор отмечает, что ныне разработка этой проблемы приобретает особую актуальность, поскольку физическая география наших дней призвана в первую очередь открывать новые закономерности, но оговаривается, что в данном разделе им затронуты преимущественно проблемы природной зональности.

Рассматривая историю открытий физико-географических закономерностей, автор выдвигает схему 4-х уровней. Этим уровням, временные рамки которых включают последние пять столетий, автор предпосылает некий «эмбриональный» уровень, охватывающий античную эпоху и период средневековья; предшествующий Возрождению.

Думается, что вряд ли справедливо принижать до степени эмбриональных исследований достижения географической мысли античного мира. В равной мере не следует пренебрегать и географией средневековья, особенно арабской и индийской, которая отнюдь не замкнулась в схоластических рамках и плодотворно развивала многие традиции античности. В познание многих физикогеографических закономерностей огромный вклад внесли и Аль-Бируни (кстати говоря, создавший оригинальную схему географической зональности), и географические школы Аль-Андалуза, и Роджер Бекон, причем в трудах передовых географов средневековья преобладают многие натурфилософские и метафизические традиции, в склонности к которым автор огульно обвиняет всех представителей античной и средневековой географической мысли.

Очевидно, «эмбриональный» уровень открытий физико-географических закономерностей заслуживает иной, более высокой оценки, а в связи с этим и в схему Н. Г. Фрадкина следовало бы внести коррективы, сместив далеко в глубь веков ее «неэмбриональные» полноценные уровни.

Этих, «полноценных» уровней, как уже указывалось, в схеме автора четыре. Первый из них, охватывающий XV—XVIII вв., носит название «элементно-холологического уровня». По мысли автора, он характеризует «этап в развитии научных знаний о Земле, связанный с накоплением и элементарной систематизацией разнородных сведений о природных объектах, с господством метафизических подходов к познанию природы, с рассмотрением природы как неизменной во времени и в пространстве» (стр. 81). Эта характеристика, на наш взгляд, несколько метафизична и вряд ли ее следует подкреплять ссылкой на Канта. Впрочем, ниже и сам автор, когда речь заходит о М. В. Ломоносове и Ф. Бэкоме, отмечает, что в XVIII в. уже отчетливо обозначился иной подход к природе и распространились идеи ее развития (стр. 85, 88). Мнение справедливое, но оно требует в таком случае и пересмотра авторской дефиниции и расчленения этапа.

Второй этап, которому соответствует XIX в., характеризуется как время открытий «компонентно-исторического уровня». Для него, по мысли автора, типичны выявления закономерностей в распространении и во взаимосвязях отдельных компонентов природы, а также исторический подход к ее изучению. В качестве главных представителей научной мысли этого этапа названы А. Гумбольдт, Ч. Лайель, Э. Зюсс, Э. Реклю и А. П. Карпинский.

Третий этап — этап открытий «комплексно-динамического уровня» — начинается в конце XIX в. с появлением трудов В. В. Докучаева. Качественно он характеризуется, по мысли автора, открытием ранее неизвестных, относительно сложных природных тел — комплексов на основе анализа динамического фактора их образования.

Предложенная Н. Г. Фрадкиным схема периодизации уровней открытий физико-географических закономерностей по идее своей весьма интересна. Несомненно, однако, что совершенно правомерно автор подчеркивает значение открытий современных физико-географических закономерностей, связывая его с выходом человечества в Космос.

В целом книга Н. Г. Фрадкина содержит ценные положения по кардинальным вопросам истории географической науки.

Я. М. Свев

Славянский фольклор. Отв. ред. Б. Н. Путилов и В. К. Соколова. М., 1972, 328 стр.

Изучение взаимоотношения русского фольклора с народным творчеством славянских народов — давняя традиция советской фольклористики.

Эти проблемы, как известно, широко обсуждались на IV, V, VI и VII Международных съездах славистов, на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук в Москве в 1964 г., весьма активно дискутировались на страницах продолжающегося издания «Русский фольклор» и т. д. В 1951 г. вышел сборник материалов и исследований по исторической народной поэзии славян под названием

«Славянский фольклор»¹. Одним из ответственных редакторов этого сборника была В. К. Соколова, под редакцией которой (совместно с Б. Н. Путиловым) вышел и рецензируемый сборник, имеющий то же название.

За 20 лет, прошедшие между двумя сборниками, советская фольклористика претерпела сложный путь развития; закономерен поэтому и тот факт, что сборники сильно отличаются один от другого. В первом из них основную часть занимают публикации новых песен и былин; во втором, рецензируемом ниже, мы находим лишь исследовательские работы. Нет смысла специально оговаривать и то, что теоретический уровень публикуемых во втором сборнике статей неизмеримо выше: углубился анализ сходных явлений в славянском фольклоре, детализировалась и расширилась методика исследования, шире стала источниковедческая база, разнообразнее привлеченные для анализа жанры и т. д.

Одним словом, рецензируемый сборник — не продолжение начатого 20 лет назад исследования — это новая самостоятельная работа, представляющая собой значительный вклад в советскую фольклористику.

Рецензируемая работа состоит из двух частей. В большей — разбираются проблемы, относящиеся ко всему славянскому фольклору, или анализируется такой специальный вопрос, как восточно-южно- или западнославянские связи. В меньшей — сосредоточены только работы по русскому фольклору.

Обратимся к анализу отдельных статей сборника; разнообразие их тематики требует их специального рассмотрения.

Б. Н. Путилов в своей статье раскрывает значение эпического подтекста на материале былин и юнацких песен, поднимает и успешно разрешает сложный теоретический вопрос о значении законов сюжетосложения для анализа эпических произведений. Особо следует подчеркнуть мысль автора о специфике отображения действительности в фольклорном источнике, о сложности и многогранности этого процесса.

Статья написана убедительно и достаточно мотивирована различными примерами из русских былин (они преобладают количественно) и юнацких песен. Б. Н. Путилов детально и подробно анализирует былинные сюжеты, но скупко приводит южнославянские параллели. Он отсылает читателя к своим же работам 1970—1971 гг. (стр. 13). Нужные примеры следовало бы привести здесь — это облегчило бы восприятие достаточно сложной работы.

Анализируя былинку о Садко, автор не соглашается с В. Я. Проппом в анализе эпизода выбора невесты как сказочного мотива и приводит в доказательство своей точки зрения эпические параллели из южнославянских юнацких песен. Однако наличие подобных параллелей еще не подтверждает происхождения данного мотива «из архаической эпической традиции» (стр. 17). Предположение В. Я. Проппа, как мне думается, заслуживает самого серьезного внимания. А разве не могла повлиять сказка на юнацкие песни? Вопрос о влиянии сказочной традиции на былинно-эпическую — сложная и значительная научная проблема, которая еще ждет своего исследователя.

Статья С. Ю. Неклюдова «Время и пространство в быльях» — пример теоретического анализа поэтики былин, но она написана сложно, воспринимается с трудом, изобилует сложными конструкциями типа «система пространственно-временных координатных осей эпического мира» (стр. 45) и т. д. Выводы автора достаточно мотивированы, хотя и не всегда беспорны. Так, вызывает сомнение его мысль о преимущественно городском пространстве былин. Подробная детализация города естественнее в устах крестьян, для которых город — необычное, удивительное, впечатляющее явление, а не в восприятии горожанина. Правда, автор осторожен, он нигде прямо не говорит о городском происхождении былин; однако всем изложением своего материала он подводит читателя к этой мысли.

К теоретическим статьям сборника относится и работа С. И. Дмитриевой, посвященная географическому распространению былин на Русском Севере. Умело применяя картографический метод исследования, автор приходит к интересным и плодотворным выводам. Особенно важной для историка является обнаруженная С. И. Дмитриевой связь распространения эпической традиции с потоками крестьянской колонизации. Приводимые автором карты и схемы наглядно и неопровержимо свидетельствуют о том, что картографический метод исследования помогает решению многих важных проблем не только фольклористики, но и смежных с ней исторических наук.

С. И. Дмитриева достаточно осторожна в своих выводах; все, что она не может доказать документально, она выдвигает как предположение. Таковы ее гипотезы о времени сложения эпической традиции на Руси (стр. 63—64) и возникновения той или иной былинки (стр. 68—70). Автор полагает, что необходимо различать момент возникновения сюжета и время оформления его в произведение определенного жанра (стр. 70).

В отличие от С. И. Дмитриевой гораздо более категоричен в своих выводах В. Г. Смолицкий, проанализировавший в статье «Былина о Святогоре» более 40 песенных и прозаических текстов, посвященных Святогору — великану с необычайной силой. Сравнивая эти тексты с другими сказаниями о великанах (Младшая Эда, грузинские сказания об Амирани, осетинские сказания о нартах, сербские сказки

¹ Сб. «Славянский фольклор», «Тр. Ин-та этнографии АН СССР», т. XIII, М., 1951.

и т. д.), автор приходит к выводу о своеобразном решении в русском былинном эпосе эпизода встречи с неземной силой.

Статья В. Г. Смолицкого полемична и по манере изложения материала, и по тем выводам, к которым приходит автор. Многие исследователи (от К. С. Аксакова до В. Я. Проппа) причисляли Святогора к наиболее древним героям русского эпоса. В. Г. Смолицкий решил опровергнуть господствующую точку зрения на Святогора как старшего богатыря. Аргументы автора интересны и новы, они, конечно, должны как-то изменить наши взгляды на эту былинку, но едва ли таким коренным образом, как думает автор. Быть может, и в этом случае следовало бы учесть предложение С. И. Дмитриевой о различении времени сложения образа и времени оформления данного сюжета в былинку? Возможно, мы вправе говорить и о древнем происхождении образа Святогора, и о более позднем (по сравнению с Ильей Муромцем) его проникновении в былинку.

Статья Р. С. Липец «Образ древнего тура и отголоски его культа в былинах» продолжает давнюю традицию русской фольклористики — использование в фольклорном исследовании материала по духовной и материальной культурам. Статья написана умелой, опытной рукой и читается с интересом; она радует широтой и многообразием привлеченного к анализу материала, богатством историко-литературных сопоставлений. Работа служит мостом не только между смежными историческими науками, она важна и для изучения биологических проблем, связанных с историей вымершего в Европе тура.

Статья Л. М. Ивлевой, посвященная общим проблемам изучения скomorошин, заслуживает внимания и по постановке проблемы, и по предложенному решению. Автор убедительно и интересно анализирует свой материал; выводы статьи (с перечнем скomorошин, стр. 112) имеют практический интерес. К недостаткам работы следует отнести слабое раскрытие понятия комизма (стр. 113 и сл.). В чем особенность его в мировоззренческом плане и как это отражается на художественной стороне скomorошин? Автор отвечает на поставленный вопрос вскользь, походя; а в не в этом ли и лежит ключ к установлению границ данного жанра? Еще более сложен вопрос об отображении действительности в небылицах, которые автор рассматривает как частный случай скomorошины. Общеизвестно, что многие небылицы со временем настолько оторвались от породившей их действительности, что в настоящий момент бытуют лишь в детской среде. Каковы причины такой трансформации небылиц? Все ли они относятся к скomorошинам — вот вопросы, стоящие перед исследователями фольклора в наши дни.

Большая статья М. М. Плисецкого «Положительно-отрицательное сопоставление, отрицательное сравнение и параллелизм в славянском фольклоре» интересна по выводам, широте охвата материала и глубине теоретического анализа. В этом исследовании большое место занимает иллюстративный материал, придающий убедительность работе. К сожалению, статья перегружена сугубо научной терминологией, недоступной рядовым фольклористам: [лазиры (стр. 142), бугарштица (стр. 145), днпластя (стр. 151) и т. д.]. Что касается конечных выводов автора, то они, учитывая осторожность их формулировки, могут быть приняты. Трудно только согласиться с безоговорочным включением «Слова о полку Игореве» и «Задонщины» в число памятников русского фольклора (стр. 158, сводная таблица, графа «Русский фольклор»). При всей глубокой и несомненной фольклорности этих памятников они все же были и остаются в первую очередь литературными, а не фольклорными произведениями.

Публикуемая посмертно статья П. В. Линтура «Балладная песня и народная сказка» органически входит в сборник, обогащая фольклористику тонкими наблюдениями в малоизученной области связей сказочного и балладного фольклора. Редакция правильно поступила, опубликовав эту статью без каких-либо перемен, сделав соответствующее примечание о несогласии с некоторыми утверждениями автора. Тем самым оказано уважение к имени этого беззаветно преданного науке исследователя, много сделавшего для всей славянской фольклористики, и соблюдены правила этики посмертных публикаций.

Необыкновенно живо, интересно и талантливо написана статья Е. И. Шастной «Верхненская сказочная традиция (по записям 1966—1968 гг.)». Публикация этой работы вполне оправдана и новизной анализируемого материала, и прекрасной методикой анализа, и глубиной конечных выводов автора.

Статья В. К. Соколовой «Типы восточнославянских топонимических преданий» богата наблюдениями и фактами. В ней собран громадный по объему материал, проведена первичная его систематизация. Мотивировка выделенных типов преданий достаточно убедительна. В качестве пожелания автору для продолжения начатой интересной работы можно высказать предложение наметить пути дальнейшего изучения и анализа топонимических преданий на основе созданной систематизации. Это оправдывает предложенное исследование и углубит теоретическое значение систематизации.

Статья Л. С. Шептаева «Древние традиции разинской прозы» имеет значение для анализа однородных явлений всего славянского фольклора. Очень свежи и интересны мысли автора о принципах разработки образов Пугачева, Разина и Ермака в зависимости от уровня социального развития крестьянства. Отчетливо прослежены связи разинской прозы с древними фольклорными традициями.

Статья Э. В. Померанцевой «Русские рассказы о домовом» увлекательна и интересна. Автор обработал большой материал, систематизировал и указал на его связи с верованиями. Заглавие статьи уже ее содержания: в ней говорится не только о домовом, но и о банике и овииннике. Помещение подобной работы в сборник, посвященный славянскому фольклору, обязывало автора обратить большее внимание не только на русские, но и на славянские предания в целом. Думается, что автору следовало бы больше сказать и о том, какова степень художественности этих рассказов, т. е. являются ли они фольклорным или только этнографическим явлением.

Большая статья В. Ю. Крупянской «Народная драма „Лодка“ (генезис и литературная история)» представляет собой по сути дела самостоятельное монографическое исследование генезиса и литературной истории народной драмы «Лодка». Статья посвящена памяти П. Г. Богатырева, так много сделавшего для анализа народного театра и народных обрядовых действ. В работе В. Ю. Крупянской, продолжающей традиции П. Г. Богатырева, поставлены вопросы теории и истории народного театра. Автор выступает во всеоружии современного исследовательского метода, умело оперирует громадным материалом, весьма тонко сопоставляет тексты лубка и народной драмы и приходит к убедительным и бесспорным выводам. Статья, безусловно, заслуживает самой высокой оценки.

Народной драме в настоящем сборнике посвящена и статья В. Е. Гусева «Взаимосвязи русской вертепной драмы с белорусской и украинской», в которой автор подробно раскрывает длительный, растянувшийся на века процесс преобразования средневекового религиозного действия в народное драматическое произведение. В результате тесного взаимовлияния русского, украинского и белорусского народного театров создавалось народно-драматическое представление, в котором религиозное содержание постепенно вытеснялось бытовыми мотивами сатирико-юмористического характера.

Сборник заключает статья К. В. Чистова «П. И. Мельников (Печерский) и И. А. Федосова». Автор убедительно показывает приемы творческого использования П. И. Мельниковым-Печерским причитаний И. А. Федосовой. Выводы К. В. Чистова о своеобразии творческого метода писателя интересны и убедительны. Привлекает к себе внимание и программа дальнейшего изучения творчества П. И. Мельникова-Печерского, разработанная К. В. Чистовым с целью изучения природы и исторической динамики фольклоризма художественного творчества этого интересного писателя — знатока жизни, быта и народного творчества.

В заключение можно сказать, что, продолжая давнюю традицию русской и советской фольклористики по публикации исследований жанров славянского фольклора в их историческом развитии и взаимодействии, рецензируемый сборник охватывает обширный круг вопросов, актуальных для современной славянской фольклористики. Особое значение имеют статьи теоретического характера, посвященные сложным и спорным проблемам теории и истории славянской эпической традиции.

В целом сборник «Славянский фольклор» следует расценить как творческую удачу редакторского и авторского коллектива, как шаг вперед по пути изучения специфики славянского фольклора и особенно процесса взаимодействия различных культур на определенных исторических этапах развития славянских народов.

Л. Н. Пушкарев

НАРОДЫ СССР

Из культурного наследия народов России. «Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР», т. 28, Л., 1972, 303 стр., Отв. ред. Т. В. Станюкович.

За последние годы в Институте этнографии АН СССР установилась добрая традиция — публикация сборников Музея антропологии и этнографии, посвященных определенному региону. Так появились сборники по народам Юго-Восточной Азии, Америки, Сибири, Передней и Средней Азии и ряд других.

Рецензируемый сборник посвящен в основном восточным славянам. В музейном отделе Восточнославянского сектора Института хранится много этнографических коллекций (свыше 12,5 тыс. предметов), фотографии и иллюстрации. Но ввиду определенной специализации экспозиций музея (посвященных главным образом народам зарубежных стран) эти коллекции не могут быть выставлены для обозрения. Именно поэтому, а также потому, что за последние годы среди широких слоев населения нашей страны усилился интерес к прошлому нашей родины, к ее истории, к ее народному искусству, издание сборника особенно актуально и своевременно.

Сборник открывается статьей Т. В. Станюкович, которая знакомит читателя с коллекциями всего отдела в целом. В статье прослежены важнейшие этапы истории му-